

И. В. Гёте

**Библиотека всемирной
литературы**

Том 50. Фауст

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82
ББК 83
И11

И11 **И. В. Гёте**
Библиотека всемирной литературы: Том 50. Фауст / И. В. Гёте – М.: Книга по Требованию, 2021. – 538 с.

ISBN 978-5-458-42817-0

Герой трагедии "Фауст" - личность историческая, он жил в XVI веке, слыл магом и чернокнижником и, отвергнув современную науку и религию, продал душу дьяволу. О докторе Фаусте ходили легенды, он был персонажем театральных представлений, к его образу обращались в своих книгах многие авторы. Но под пером Гёте драма о Фаусте, посвященная вечной теме познания жизни, стала вершиной мировой литературы. Книга содержит полную версию "пьесы для чтения" "Фауст" крупнейшего немецкого поэта И. В. Гёте м (1749-1832). В издании помещены избранные иллюстрации немецкого художника Морица Рецша, которые Гёте видел и нашел искусными и "остроумными". Вступительная статья и примечания Н. Вильмонта. Перевод с немецкого Б. Пастернака

ISBN 978-5-458-42817-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

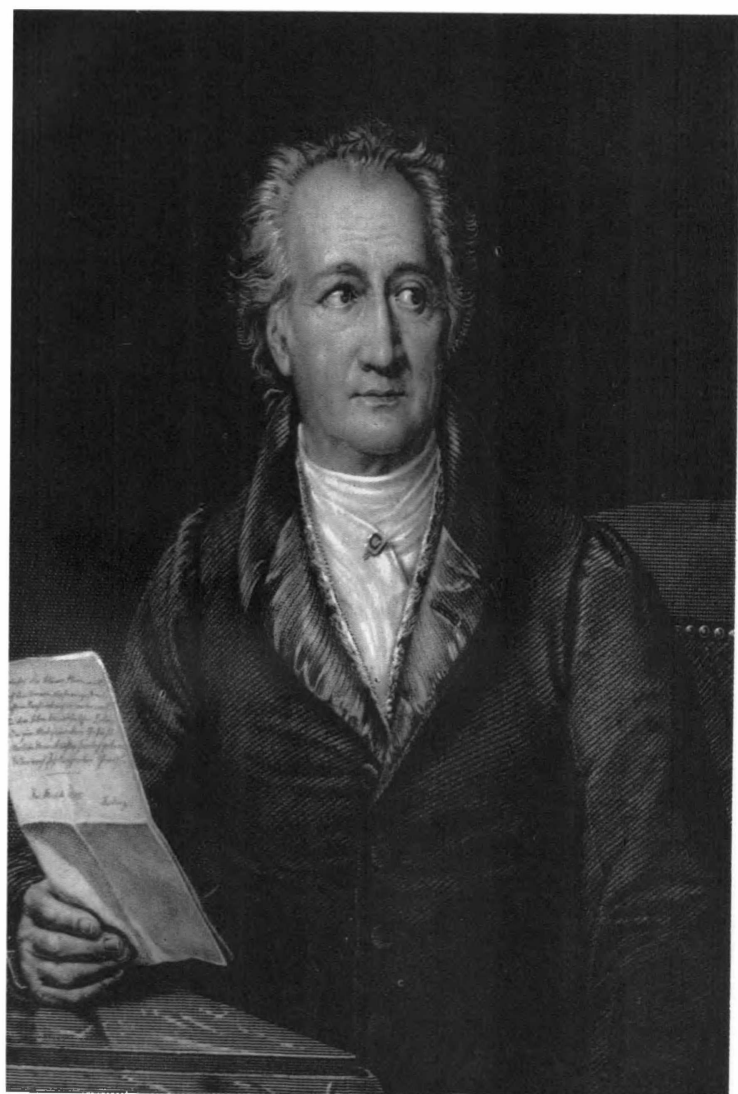
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЕТЕ И ЕГО «ФАУСТ»

1

Имя крупнейшего немецкого поэта Иоганна Вольфганга Гете (1749—1832) принадлежит к лучшим именам, которыми гордится человечество.

Великий национальный поэт, пламенный патриот, воспитатель своего народа в духе гуманизма и безграничной веры в лучшее будущее на нашей земле — так расценивают Гете все немцы, искренне стремящиеся к созданию единой, демократической, миролюбивой Германии.

Гете, бесспорно, одно из наиболее сложных явлений в истории немецкой литературы. Позиция, занятая им в борьбе двух культур — а они неизбежно содержатся в «общенациональной» культуре любого разделенного на классы общества, — не свободна от глубоких противоречий. Идеологи реакционного лагеря тенденциозно выбирали и выбирают из огромного литературного наследия поэта отдельные цитаты, с помощью которых они стараются провозгласить Гете мистиком, агностиком, даже «противником национального объединения немцев».

Но эти наветы не могут, конечно, поколебать достоинства и прочной славы поэта.

Когда б не солнечным был глаз,
Как солнце мог бы он увидеть,—

сказал когда-то Гете. Глаза современного передового человечества достаточно «солнечны», чтобы различить «солнечную» природу творчества Гете, прогрессивную сущность той идеи, которая одушевляет его бессмертную драматическую поэму.

Упрочивший свое всемирное значение созданием «Фауста», Гете меньше всего — «автор одной книги». Да это и не мирилось бы с основной чертой его личности — ее поразительной универсальностью.

Крупнейший западноевропейский лирик, в чьих стихах немецкая поэзия впервые заговорила на непринужденном языке простых и сильных человеческих чувств, Гете вместе с тем автор широко известных баллад («Лесной царь», «Коринфская невеста» и др.), драм и эпических поэм и, наконец, замечательный романист, проникновенно отобразивший в «Страданиях юного Вертера», в «Вильгельме Мейстере», в «Поэзии и правде» духовную жизнь целого ряда поколений немецкого народа.

Однако и столь разнообразно богатой литературной деятельностью не исчерпывается значение Гете. «Гете представляет, быть может, единственный в истории человеческой мысли пример сочетания в одном человеке великого поэта, глубокого мыслителя и выдающегося ученого», — писал о нем К. А. Тимирязев. В сферу исследований и научных интересов Гете вошли геология и минералогия, оптика и ботаника, зоология, анатомия и остеология; и в каждой из этих областей естествознания он развивал столь же самостоятельную новаторскую деятельность, как в поэзии.

В такой универсальности Гете большинство его биографов хотели видеть только заботу «великого олимпийца» о всестороннем гармоническом развитии собственной личности. Но Гете не был таким «олимпийцем», равнодушным к нуждам и чаяниям простого народа. Иначе как с этим совмещались бы такие высказывания поэта, как: «Падения тронов и царств меня не трогают; сожженный крестьянский двор — вот истинная трагедия», или слова Фауста из знаменитой сцены «У ворот»:

А в отдаленье на поляне
В деревне пляшут мужики.
Как человек, я с ними весь:
Я вправе быть им только здесь.

Обращение Гете к различнейшим литературным жанрам и научным дисциплинам теснейшим образом связано с его горячим желанием разрешить на основе все более обширного опыта постоянно занимавший его вопрос: как должен жить человек, ревнуя о высшей цели? Не успокоенность, а борьбу, упорные поиски истины всеми доступными путями и способами — вот что на деле означала универсальность Гете. Занимаясь естествознанием, вступая, по выражению поэта, «в молчаливое общение с безграничной, неслышно говорящей природой», пытливно вникая в ее «открытые тайны», Гете твердо надеялся постигнуть заодно и «тайну» (то есть законы) исторического бытия человечества.

Другое дело, что путь, которым шел Гете в поисках «высшей правды», не был прямым путем. «Кто ищет — вынужден блуждать», — сказано в «Прологе на небе», которым открывается «Фауст». Гете не мог не «блуждать» — не ошибаться, не давать порою неверных оценок важнейшим событиям века и движущим силам всемирно-исторического процесса — уже потому, что вся его деятельность протекала в чрезвычайно неблаго-

приятной исторической обстановке, в условиях убогой немецкой действительности конца XVIII — начала XIX века.

В отличие от своего русского современника и бывшего однокашника по Лейпцигскому университету А. Н. Радищева, философски обобщившего опыт крестьянских восстаний, которыми была так богата история России XVIII века, Гете должен был считаться с бесперспективностью народной революции в тогдашней Германии. Ему пришлось «существовать в жизненной среде, которую он должен был презирать, и все же быть прикованным к ней как к единственной, в которой он мог действовать...»¹.

Отсюда ущербные стороны в мировоззрении Гете; отсюда двойственность, присущая его творчеству и его личности. «...Гете в своих произведениях двояко относится к немецкому обществу своего времени, — писал Ф. Энгельс. — То... он восстает против него, как Гец, Прометей и Фауст, осыпает его горькими насмешками Мефистофеля. То он, напротив, сближается с ним, «приноравливается» к нему... защищает его от напирающего на него исторического движения... в нем постоянно происходит борьба между гениальным поэтом, которому убожество окружающей его среды внушало отвращение, и осмотрительным сыном франкфуртского патриция, достопочтенным веймарским тайным советником, который видит себя вынужденным заключать с этим убожеством перемирие и приспосабливаться к нему. Так, Гете то колоссально велик, то мелок; то это непокорный, насмешливый, презирающий мир гений, то осторожный, всем довольный, узкий филлистер. И Гете был не в силах победить немецкое убожество; напротив, оно побеждает его; и эта победа убожества над величайшим немцем является лучшим доказательством того, что «изнутри» его вообще нельзя победить»².

Но Гете, конечно, не был бы Гете, не был бы «величайшим немцем», если б ему порою не удавалось одерживать славные победы над окружающим его немецким убожеством, если бы в иных случаях он все же не умел возвышаться над своей средой, борясь за лучшую жизнь и лучшие идеалы:

Человеком был я в мире,
Это значит — был борцом! —

говорил о себе поэт на склоне своей жизни.

Юношей — вслед за Лессингом и в тесном сотрудничестве со своими товарищами по литературному течению «бури и натиска» — он восставал на захолустное немецкое общество, гремел против «неправой власти» в «Прометее» (1774), в своих мятежных одах, в «Геце фон Берлихингене» (1773), этом «драматическом восхвалении памяти революционера», как определил его Ф. Энгельс.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 4, стр. 233.

² Там же, стр. 232—233.

Призыв к возобновлению немецких революционных традиций XVI века, когда «у немецких крестьян и плебеев зарождались идеи и планы, которые достаточно часто приводят в содрогание и ужас их потомков»¹, к насильственному упразднению феодальной раздробленности Германии (тогда насчитывавшей более трехсот самостоятельных княжеств) и к созданию единого централизованного немецкого государства — таковы политические тенденции драматического первенца Гете, этой поистине национальной исторической драмы. Не удивительно, что юный автор «Геца фон Берлихингена» стал популярнейшим писателем Германии.

Уже не всегерманскую, а всемирную славу принесло молодому Гете его второе крупное произведение — «Страдания юного Вертера», роман, в котором автор с огромной силой показал трагическую судьбу передового человека в тогдашней Германии, всю гибельность дальнейшего существования феодальных порядков для общества и для отдельного человека.

Но Гете действовал в стране, где не было силы, способной покончить с феодализмом. Ни один призыв к изменению социального строя не находил должного отклика в условиях раздробленной Германии. Немецкое бюргерство, убежденное в своем бессилии, страшилось революционного союза с народными массами, шло на сделку с феодализмом, предпочтя революционному действию путь непрерывных компромиссов и половинчатых решений, иначе — «прусский путь» капиталистического развития, как назвал его В. И. Ленин. Подавленный таким оборотом исторических событий, Гете тоже пошел на некоторое «примирение»...

Отчасти именно потому, что Гете был натурой активной, волевой, он не мог довольствоваться только мечтами о далеком светлом будущем, которое, быть может, когда-нибудь и осуществится, но без его участия, когда он, Гете, уже «попадет в яму, бог весть кем вырытую, и будет считаться ничем». Нет, ему хотелось уже теперь возможно больше влиять на ход жизни, и раз действительность не могла быть радикально перестроена, то влиять на нее, найдя себе место в существующем обществе. Только в этой связи можно понять поступление Гете на службу к веймарскому герцогу Карлу Августу. Отъезжая в Веймар, поэт лелеял надежду добиться решительного улучшения общественного уклада хотя бы на малом клочке немецкой земли, во владениях молодого герцога, с тем чтобы этот клочок земли послужил образцом для всей страны, а проведенные на нем реформы (отмена крепостных повинностей и феодальных податей, введение единого подоходного налога, который бы распространялся на все сословия, и т. д.) стали бы прологом к общенациональному переустройству немецкой жизни.

Надежды эти, как известно, не оправдались. По настоянию веймарского дворянства, Карл Август приостановил начатые реформы.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, стр. 345.

Перед лицом такого крушения своих заветных планов Гете не мог не ощутить всей бессмысленности своего дальнейшего пребывания на веймарской службе. «Не понимаю,— писал он тогда близкому другу,— как это судьба умудрилась припутать меня к управлению государством и княжескому дому!.. Меня уже не удивляет, что государи большею частью так вздорны, пошлы и глупы... Я повторяю: кто хочет заниматься делами управления, не будучи владетельной особой, тот либо филистер, либо негодяй и дурак». Политические несогласия с герцогом, придворные дрязги, отвращение к ничтожному веймарскому обществу побудили Гете бежать в Италию. Правда, он вскоре идет на компромисс, после двухлетней отлучки возвращается на службу к Карлу Августу, но уже только в качестве советника, ведающего делами просвещения.

Лишь в связи с крушением его политических надежд можно понять новый этап в творчестве Гете, его переход к классицизму. В отличие от ранних мятежных его творений, призывавших к безотлагательному переустройству немецкой общественной жизни, произведения Гете его классической поры отмечены печатью отказа от мятежа. «Не для свободы люди рождены»,— восклицает его Тассо.

Обращаясь к формам античного искусства, насаждая новый классицизм у себя на родине, Гете стремился отнюдь не только к созданию «автономной области идеальной красоты», но и к тому, что впоследствии его друг и соратник Шиллер называл «эстетическим воспитанием» человека, заботой о том, чтобы человек «и в этой грязи был чистым, и в этом рабстве свободным».

Но покуда Гете старался преодолеть немецкое убожество «изнутри» (путем «эстетического воспитания»), во Франции разразилась всамделишная революция. Гете отнесся к ней с недоуменным недоверием и даже позднее, уже признав ее благотворное воздействие на развитие человеческого общества, считал «недопустимым и противоестественным», чтобы в его «мирном отечестве были вызваны искусственным путем такие же сцены, какие во Франции явились следствием великой необходимости». Классическим примером страха Гете перед историческим движением, «безвременно» напиравшим на отсталое немецкое общество, может послужить его «Герман и Доротея». Гете не осознал, что высшая цель всемирно-исторического развития, которая рисовалась его воображению — «свободный край», населенный «свободным народом»,— может быть осуществлена лишь в результате революционной самостоятельности народных масс.

Но, отклоняя революцию как метод, пренебрегая практикой революции, Гете с увлечением впитывал в себя ее идеологию, наиболее передовые социальные теории, порожденные революцией,— идеи Бабефа, а позднее учение «великих утопистов» — Сен-Симона, Фурье, отчасти Оуэна.

Проникшийся величием передовых идей своего времени, Гете в значительной мере преодолевает и буржуазный индивидуализм, присущий тео-

рии «эстетического воспитания» Шиллера, с которым он долгие годы разделял наивную веру в возможность воспитать «гармоническую личность» на почве захолустной полуфеодалной Германии, в рамках существующего общественного строя. Но позднее, в «Вильгельме Мейстере», достижение «внутренней» гармонии ставится им уже в прямую зависимость от возможности внести «гармонию» (то есть справедливый общественный уклад) в общество, в окружающую действительность. Во второй части романа («Годы странствий Вильгельма Мейстера», 1829) подробно описывается хозяйственный строй, который пытаются осуществить Вильгельм и его единомышленники. Социальные идеи, которые высказывает здесь Гете, очень близки к рассуждениям Фурье о «фаланстерах» как о ячейках будущего общественного строя.

«Фауст» занимает совсем особое место в творчестве великого поэта. В нем мы вправе видеть идейный итог его (более чем шестидесятилетней) кипучей творческой деятельности. С неслыханной смелостью и с уверенной мудрой осторожностью Гете на протяжении всей своей жизни («Фауст» начат в 1772 году и закончен за год до смерти поэта, в 1831 году) вкладывал в это творение свои самые заветные и светлые дотодажки. «Фауст» — вершина помыслов и чувствований великого немца. Все лучшее, истинно живое в поэзии и универсальном мышлении Гете здесь нашло свое наиболее полное выражение.

2

«Есть высшая смелость: смелость изобретения, — писал Пушкин, — создания, где план обширный объемлется творческой мыслью, — такова смелость... Гете в Фаусте...»

Смелость этого замысла заключалась уже в том, что предметом «Фауста» служил не один какой-либо жизненный конфликт, а последовательная, неизбежная цепь глубоких конфликтов на протяжении единого жизненного пути, или, говоря словами Гете, «чреда все более высоких и чистых видов деятельности героя». Такой план трагедии, противоречивший всем принятым правилам драматического искусства, позволил Гете вложить в «Фауста» всю свою житейскую мудрость и большую часть исторического опыта своего времени.

Самый образ Фауста — не оригинальное изобретение Гете. Этот образ возник в недрах народного творчества и только позднее вошел в книжную литературу.

Герой народной легенды, доктор Иоганн Фауст, — лицо историческое. Он скитался по городам протестантской Германии в бурную эпоху Реформации и крестьянских войн. Был ли он только ловким шарлатаном или вправду ученым врачом и смелым естествоиспытателем, пока не уста-

новлено. Достоверно одно: Фауст народной легенды стал героем ряда поколений немецкого народа, и его страшный конец — черт живьем пожирает отважного грешника — не слишком пугал читателей бесчисленных лубочных книжек о докторе Фаусте, в основу которых была положена народная легенда. Читателем, в основном городским ремесленником, молчаливо допускалось, что такой молодец, как этот легендарный доктор, перехитрит и самого черта (подобно тому как русский Петрушка перехитрил лекаря, попа, полицейского, нечистую силу и даже смерть). Одна из этих книжек о знаменитом народном герое попала в руки маленькому Вольфгангу Гете еще в родительском доме.

Но не только крупные готические литеры на дешевой серой бумаге лубочных изданий рассказывали мальчику об этом диковинном человеке. История о докторе Фаусте была ему хорошо знакома и по театральной ее обработке, никогда не сходявшей со сцен ярмарочных балаганов. Этот театрализованный «Фауст» был не чем иным, как грубоватой переделкой драмы знаменитого английского писателя Кристофера Марло (1564—1593), некогда увлекшегося странной немецкой легендой. В отличие от лютеранских богословов и моралистов, трудившихся над составлением лубочных книжек для народа, Марло объясняет поступки своего героя не его стремлением к беззаботному языческому эпикурейству и легкой наживе, а неутолимой жаждой знания. Тем самым Марло первый не столько «облагородил» народную легенду, сколько возвратил этому народному вымыслу его бывшее идейное значение.

Позднее образ Фауста привлек к себе внимание самого передового из писателей эпохи немецкого Просвещения — Лессинга, который, обращаясь к легенде о Фаусте, первый задумал окончить драму не низвержением героя в ад, а громким ликованием небесных полчищ во славу пытливого и ревностного искателя истины. Смерть помешала Лессингу кончить так задуманную драму, и ее тема перешла по наследству к младшему поколению немецких просветителей — поэтам «бури и натиска». Почти все «бурные гении» написали своего «Фауста». Но общепризнанным его творцом был и остается только Гете.

По написании «Геца фон Берлихингена» молодой Гете был занят целым рядом драматических замыслов, героями которых являлись сильные личности, оставившие заметный след в истории. То это был основатель новой религии Магомет, то великий полководец Юлий Цезарь, то философ Сократ, то легендарный Прометей, богоборец и друг человечества. Но все эти образы великих героев, которые Гете противопоставлял жалкой немецкой действительности, вытеснил глубоко народный образ Фауста, сопутствовавший поэту в течение долгого шестидесятилетия.

Что заставило Гете предпочесть Фауста героям прочих своих драматических замыслов? Традиционный ответ: его тогдашнее увлечение немецкой стариной, народной песней, отечественной готикой — словом, всем тем,

что он научился любить в юношескую свою пору; да и сам образ Фауста — ученого, искателя истины и правого пути — был, бесспорно, ближе к родственнее Гете, чем те другие «титаны», ибо в большей мере позволял поэту говорить от собственного лица устами своего беспокойного героя.

Все это так, разумеется. Но в конечном счете выбор героя был подсказан самим пдейным содержанием драматического замысла: Гете в равной мере не удовлетворяло ни пребывание в сфере абстрактной символики («Прометей»), ни ограничение своей поэтической и вместе философской мысли узкими и обязывающими рамками определенной исторической эпохи («Сократ», «Цезарь»). Он искал и видел мировую историю не только в прошлом человечества. Ее смысл ему открывался и им выводился из всего прошлого и настоящего; а вместе со смыслом усматривалась и намечалась поэтом также и историческая *цель*, единственно достойная человечества. «Фауст» не столько драма о прошлой, сколько о грядущей человеческой истории, как она представлялась Гете, о том будущем, которым, по его убеждению, была беременна современность.

Сама эпоха, в которой жил и действовал исторический Фауст, отошла в прошлое. Гете мог ее обозреть как некое целое, мог проникнуться духом ее культуры — страстными религиозно-политическими проповедями Томаса Мюнцера, эпически мощным языком Лютерової Библии, задорными и грузными стихами умного простолюдина Ганса Сакса, скорбной исповедью рыцаря Геца. Но то, против чего восставали народные массы в ту отдаленную эпоху, еще далеко не исчезло с лица немецкой земли: сохранилась былая, феодально раздробленная Германия; сохранилась (вплоть до 1806 года) Священная Римская империя германской нации, по старым законам которой вершился несправедливый суд во всех немецких землях; наконец, как и тогда, существовало глухое недовольство народа, — правда, на этот раз не разразившееся живительной революционной грозой.

Гетевский «Фауст» — глубоко национальная драма. Национален уже самый душевный конфликт ее героя, строптивого Фауста, восставшего против прозябания в гнусной немецкой действительности во имя свободы действия и мысли. Таковы были стремления не только людей мятежного XVI века; те же мечты владели сознанием и всего поколения «бури и натиска», вместе с которым Гете выступил на литературном поприще.

Но именно потому, что народные массы в современной Гете Германии были бессильны порвать феодальные путы, «снять» личную трагедию немецкого человека заодно с общей трагедией немецкого народа, поэт должен был тем зорче присматриваться к делам и думам других, более активных, более передовых народов. В этом смысле и по этой причине в «Фаусте» речь идет не об одной только Германии, а в конечном счете и обо всем человечестве, призванном преобразить мир совместным свободным и разумным трудом. Белинский был в равной мере прав и когда утверждал, что «Фауст» есть полное отражение всей